

и кон. не считая перебора, тот и прикупает. Один-то всех обставляет все время, рядом с ним лежит послушка, пронира, видать. Хватил он соседа пальцем за пупок, а пупок-то медом намазан был. Волосянку, понятно, ему устроили, чтоб не плутовал больше, так-то (№ 48).

Записано И. Логинновой, Т. Филоксеновой от А. Н. Титова, летом 1969 г.

31

Недаром говорится, монашенки святые — жиром налитые. Их угощали апельсинами среди зимы толстые сытые монахи (№ 1).

Записано В. Завьяловой от Е. И. Турксейвой, 1891 г. рожд., летом 1971 г.

М. Н. ОЖЕГОВА

Пермь

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ПРЕДАНИЙ О ПЕРЕ-БОГАТЫРЕ

(источники и жанровая специфика)

Задачи настоящей статьи — выявить культурно-исторические основы, вызвавшие к жизни эпические народные произведения; обнаружить конкретно-исторические реалии, важные для понимания классово-идеологической направленности и социально-политического значения этих произведений; попытаться ответить на вопрос: как и когда протекал процесс фольклоризации преданий¹.

Все предания о Пере-богатыре, в отличие от архаических коми-пермяцких преданий о Кудым-Оше, отражают экономическое положение, общественно-политическую жизнь и классовую борьбу коми-пермяцкого народа XVI — XVII веков.

Историческая тема преданий более всего связана с борьбой русских против татар и с разгромом Казанского ханства в 1552 году.

Анализу подвергаются предания пяти сюжетных групп: о хозяйственной жизни коми-пермяков, об их помощи русским в борьбе с татарами, о борьбе с графом Строгановым, о борьбе Перы с мифологическими существами, о богорочестве богатыря².

* *

¹ Основные положения этой статьи были высказаны автором на межвузовской научной конференции в 1971 году в Перми. (Ожегова М. Н. Исторические основы коми-пермяцких преданий о Пере-богатыре. — В кн.: Фольклор и литература Урала. Пермь, 1971, с. 20 — 22).

² Тексты опубликованы в кн.: Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971.

Предания первой группы свидетельствуют о низком уровне развития экономики и примитивном быте коми-пермяков указанного периода. Жили они в селениях «малыми» крестьянскими семьями, некогда выделившимися из родовых общин. Таковы семья Перы, семьи Мили-Мишки и соседей. Каждая из них ведет хозяйство своими силами и лишь при выполнении больших или сезонных работ пользуется помощью соседей, например во время строительства дома.

Предания свидетельствуют об активном развитии земледелия и скотоводства. Из злаков, как видно, больше культивировались овес, рожь и ячмень, которые позволяли обеспечивать неприхотливый стол коми-пермяка (мука, хлеб, брага, толокно неоднократно упоминаются в преданиях). О развитии скотоводства можно узнать из таких фактов, как конная перевозка бревен, заготовленных в лесу, потеря крестьянами коров, для которых не было специальных выгонов и пастбищ. Из нескольких вариантов известно о заготовке сена. («Пера возы с сеном забрасывал на крыши»; «Сено косили на верхней Лунве»).

Значительное место в жизни коми-пермяков занимают охота и рыбная ловля. Основными орудиями охоты были лук и стрелы. Пера делал луки из дерева туся пу (можжевельника или вереска), тетиву — из оленьих и лосиных сухожилий. Стрелы имели железные наконечники, а иногда даже серебряные (фольклорная интерпретация). Кроме лука, коми-пермяцкие охотники знали и охотничье копьё. В нескольких вариантах предания о борьбе Перы с лешим последний пронзает копьём бревно, которое богатырь положил вместо себя, прикрыв его шабуром³.

Пера-богатырь, возвращаясь с охоты, насаживает лося на копьё и несет на плече домой. Умел он пользоваться и пищалю. Существовали и другие способы охоты на лосей, оленей и медведей с устройством ловчих загородей и потайных ям. В одной из записей сказано, что Пера-богатырь сбросил труп убитого им лешего в лосиную яму. Он охотился и при помощи самодельных ловушек-слопцов и сетей. Из предания мы узнаем, что Пера за свои ратные подвиги попросил у царя прочные шелковые «тенета» для ловли птиц и зверей.

Что касается рыболовства, то в преданиях рассказывается, как Пера ходит рыбачить на реку Лупью, на озера. Одно из озер, в котором он часто ловил рыбу, названо его именем (Пера-ты — озеро Перы). Упоминаются сети, морды и другие рыболовные снасти. Исторические данные свидетельствуют также о специализации северных крестьян: «В лесном краю подспорьем продолжали оставаться охота и рыбная ловля. В период русской колонизации эти отрасли иногда превращались в товарные. Основным орудием оставались лук и стрелы... Даже в XVII веке в северных районах

³ Шабур — верхняя рабочая одежда из холста с круглым вырезом вместо ворота.

Урала по-прежнему значительную роль играли охота (главным образом, пушная и на птиц) и рыбная ловля»⁴.

Предания отразили и занятия ремеслом. Пера и его соседи изготавливали предметы домашнего обихода: сельницы, березовые ступы, чашки, ведра, ушаты, плели пестери⁵ и лапти, без которых нельзя было обойтись крестьянину-охотнику. За храбрость, проявленную в борьбе с татарами, русский царь подарил Пере золотой кочедык для плетения лаптей.

Предания о Пере-богатыре знакомят и с особенностями материальной культуры коми-пермяков. Жили они в небольших домах (керках), в которые вела наружная лестница (когда Пера поднимался по ней, дрожали и скрипели все ступени); вернувшийся из леса Пера отдыхает на полатах, обедает за столом. В лесу имеются временные жилища: чомы, шалаши из ели, в редких вариантах — землянки.

По преданиям можно судить и о верхней одежде коми-пермяков. Пера носил совик, сшитый из меха (мехом наружу наподобие ненецкой малицы), и шабур, сшитый из домотканого холста.

Жизнь коми-пермяков была необеспеченной, полуголодной, о чем говорят такие факты преданий: жена Мили-Мишки, пригласившая на помощь Перу, беспокоится о том, что он съест много хлеба, а Пера, сочувствуя ей, добровольно соглашается заменить хлеб распаренным и посоленным мхом. В некоторых вариантах Пера заменяет хлеб лесной травой, пыреем и еловыми ветками. Большое удовольствие доставляет ему толокно, разведенное в браге. На вопрос московского царя, чем его угостить, он попросил принести ему толокно. («И только тогда он досыта наелся, когда дали ему толокна»). Все, что добывали и зарабатывали крестьяне — рыболовы и охотники, очевидно, уходило на уплату всевозможных натуральных повинностей. Коми-пермяцкий народ облагался данью со стороны местных князьков и воевод, во главе которых стояли великопермские князья Матвей, а затем Михаил (отец и сын), бывшие вассалами великого русского князя.

Большим злом для коми-пермяцкого населения Прикамья были грабительские набеги золотоордынских, казанских, а позднее сибирских ханов.

В XVI веке произошла централизация Русского государства. На этом этапе истории коми-пермяцкого народа присоединение Перми Великой к Москве было прогрессивным явлением.

Предания о Пере-богатыре являются ярким доказательством того, что коми-пермяки сумели по достоинству оценить значение такого события, как создание единого централизованного Русского государства. Вместе с русским народом они боролись против общих врагов. Пера-богатырь «послал своего брата Мизю служить

⁴ Оборин В. А. Социально-экономическое развитие Урала в XVI веке. — В кн.: История Урала. Пермь, 1975, т. 1, с. 55; Он же. Социально-экономическое развитие Урала в XVII в. — Там же, с. 64.

⁵ Пестерь — заплочный мешок, сплетенный из лыка или бересты.

в русское войско, охранять Русскую землю». И он «справно» нес службу, а в трудное для России время посоветовал русскому царю позвать на помощь своего сильного брата. Пера едет в столицу, помогает в обороне Русского государства, в решительном разгроме врага, в уничтожении Казанского ханства. И русские отплатили коми-пермяцкому народу, как и другим малым народам, принявшим участие в борьбе с татаро-монгольскими завоевателями, землей и лесом. Пере были жалованы земли и леса в северных районах округа, что было закреплено, как сообщают предания, специальной грамотой.

*
*
*

Предания о помощи коми-пермяков русским в борьбе с татарскими завоевателями заслуживают особого внимания.

В казанских походах против татарских ханов участвовали лучшие русские военные силы, а вместе с русскими боролись и народы других национальностей, в особенности те, которые входили в состав образовавшегося централизованного Русского государства, переживали период завершения своей этнической консолидации и были заинтересованы в разгроме татаро-монгольских завоевателей. Не могли остаться в стороне от этого важного патриотического дела и народы Прикамья, у которых имелись с захватчиками особые счёты.

Как известно из исторических исследований, возникновение Казанского ханства тесно связано с историей Болгарского государства, поддерживавшего в период X — XII столетий экономические и торговые связи с предками коми-пермяцкого народа. Древняя Болгария (или Булгария) была посредником в торговле северных народов с Западом и Востоком. Далеко не всегда эти отношения носили мирный характер. Болгарские князья нередко совершали разбойничьи нападения на городища и селища предков коми-пермяков, убивали жителей, захватывали их имущество. В XIII веке Болгарию завоевал Батый. Болгарские князья стали вассалами ханов Золотой Орды. Значительная часть населения древней Болгарии устремилась в приуральские земли и смешалась здесь с местным населением. В XV веке бежавший из Золотой Орды хан Улуг Мухам Маклутон при поддержке болгарских князей создал феодальное объединение — Казанское ханство, в состав которого и вошла Болгария. Казанское ханство вело грабительские войны с соседями. С побежденных взымались принудительные платежи, уводилось в плен население.

От татар сильно страдали народы Нижнего Прикамья и Поволжья (чуваша, мордва, удмурты). «Казанская история» называет в числе разоренных монголами земель и пермские земли.

«Уже в 1468 году организуется поход русского войска против казанских татар, которые проникли в Пермь Великую. Участники похода в 1469 году освобождают людей, взятых татарами в плен, в том числе вятчан»⁶, очевидно, среди них и удмуртов, и пермяков.

«В октябре 1552 года, — говорится в том же капитальном труде по истории Урала, — русское войско взяло Казань и ликвидировало самостоятельность Казанского ханства, которое мешало расширению экономических и культурных связей Русского государства с народами Урала, Сибири, Средней Азии, угнетало народы Поволжья и Приуралья, стало возможным присоединение к Русскому государству всего Западного Урала»⁷.

В этом решающем походе против татаро-монгольских завоевателей приняли участие народы, входившие в состав Великопермского княжества, возникшего в XIV веке и присоединенного к Русскому государству в 1472 году. Дружба русского и коми-пермяцкого народов, начавшаяся задолго до этого, была закреплена в суровых боях против общего врага.

У большинства народов Поволжья и Прикамья (мари, мордвы, коми, удмуртов) сохранились предания об участии их в общерусской борьбе с татарами. Эта борьба в коми-пермяцких преданиях показана в обобщенно-символической форме: богатырь Пера борется с Идолищем, который изображен в виде страшной машины на колесах: «Идолище на колесах катается, все смотрят. Вот убьет нас, вот убьет нас!.. Налетел Идолище на колесах, осилки (богатыри) не пошатнулись, сказали лишь: «Ага, комары кусают». Все кричат: «Бейте, де, Идолище-то!» Идолище на колесе обратно откатился и второй раз попер — опять хлестнул осилков». В другом варианте Идолище — это оружие: «У них оружие, у врагов-то, колесом было: солдат наш стоит, а колесико подбегает и прямо человека режет». Иногда — это машина, в которой сидят люди: «Пришел Пера, его повели вместе с другими силачами на машину. В первое утро машинка пробежала, задела их: «Тьфу ты, — говорит (Пера. — М. О.), — оводы нас кусают». «В третье утро взяли они эту машинку. Да как они эту машинку бросили вокруг себя. Она и разбилась, а из нее народ-то посыпался». Аналогичные действия Идолища на колесах переходят из предания в предание: «Идолище треснет и обратно повернется»; «Идолище на колесах катается, все смотрят»; «Третий раз машина на колесах подбежала»; «Неприятель в тележке на колесе прямо к Периным коленям подкатился»; «У неприятеля машина была, Идолищем ее звали. Машина эта была колесом»; «Три раза Пера схватился с машиной-колесом» и т. д.⁸ Название врага Идолищем перекликается с символическим обозначением татар в русском былинном эпосе «Идолище поганое».

Различные исследователи эпоса о Пере-богатыре по-разному объясняют образ Идолища на колесе.

⁶ Оборин В. А. Проникновение русских на Урал и их роль в формировании феодальных отношений на Урале. — В кн.: История Урала. Пермь, 1975, т. 1, с. 42.

⁷ Оборин В. А. Русская колонизация во второй половине XVI века. Укрепление феодализма на Урале. — В кн.: История Урала, т. 1, с. 45.

⁸ Все цитаты даются по кн.: Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре.

Так, А. К. Микушев считает варианты преданий о Пере-богатыре, в которых говорится о борьбе Перы с Идолищем на колесе, «архаическим пластом»⁹. В эпосе о Пере-богатыре, — утверждает он, — имеется архаический пласт, идейный смысл которого выявляется при сопоставлении коми эпоса с эпосом карел, марийцев, мордвы, саамов, обских угров и др. Пере-богатырю приходится выдерживать бои с неким чудовищем, напавшим на московского князя или петербургского царя.

В начале XX века, путешествуя среди пермяков Иньвы и Колвы, К. Ф. Жаков записал редкий вариант сказания о Пере-богатыре, в котором указывается, что коми богатырь борется с неким Идолищем на колесах. Образ чудесного колеса ассоциируется с многоголовым Идолищем, а битва коми богатыря с иноземными захватчиками трактуется как сражение героя с Идолищем поганым. В некоторых вариантах возникает образ одноколенной машины, которая «сама ходит, громыхает, а внутри нее полно народу»¹⁰.

А. К. Микушев использует большой финно-угорский фольклорно-этнографический материал для объяснения символики этого образа. Обращается к нартскому эпосу: «Несмотря на реалистические детали и довольно современную трактовку образа чудесного колеса, очевидна архаическая основа, солярный символизм образа. Как отмечает Мелетинский, в кабардинских вариантах народного эпоса есть указания на игру ритуального значения, любимое занятие нартов. Нарты вкатывают колесо со стальными зубцами Жан-Шерх на гору, а другие скатывают его вниз. Сосруко погибает от колеса Жан-Шерх, которому колдунья открыла уязвимое место героя. В одном из вариантов осетины называют колесо Белесого колесом Ойнана, т. е. Иоанна»¹¹.

А. К. Микушев привлекает для объяснения образа Идолища на колесе, вернее самого колеса, атрибутику волшебных сказок: «Образ чудесного колеса или круга известен коми-пермяцкой волшебной сказке «Иван — мужицкий сын». В нем колдунья берет черный круг, кладет на пол, поворачивается к солнцу три раза и через пол исчезает»¹².

А. К. Микушев идет и дальше, в глубь времен, ищет объяснения этому образу в культуре ананьинцев, общих предков коми-пермяков, коми-зырян и удмуртов, обращается за помощью к исследованиям археолога А. В. Збруевой: «Исследовательница древней истории Прикамья А. В. Збруева, — читаем мы в его работе, — анализируя культуру ананьинцев, предков коми-зырян и удмуртов, пишет: «С уверенностью можно сказать, что у ананьинцев существовало поклонение солнцу, изображение которого видим в ряде предметов — на бронзовых бляхах, на пряслицах. Ананьинцы но-

⁹ См.: *Микушев А. К.* Генезис и эволюция коми-песенного фольклора. Докт. дис. М., 1970, с. 27 — 36.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

сили головные уборы, украшенные бронзовыми бляшками с изображением солнца. На бронзовой крестообразной бляхе богатого мужицкого погребения Зуевского могильника можно различить изображение солнца с лучами. На одном из пряслиц вокруг центрального отверстия изображалось солнце с 7—8 лучами, а вокруг него идущие по кругу звери, которые олицетворяли видимое движение солнца по нему»¹³.

Ближе к истине Д. И. Гусев, опубликовавший в 1956 году большое количество преданий о Пере. Он дает «колесу» такое объяснение: «Можно полагать, что под «колесом» в предании о Пере-богатыре коми-пермяки сохраняют воспоминания о таранных осадных военных машинах...»¹⁴ Его предположения нуждаются в обстоятельной аргументации.

По нашему мнению, этот образ не что иное, как своеобразная символическая художественная форма изображения существовавших в XVI веке военных сооружений, так называемых «гуляй-городов», сыгравших большую роль при осаде и взятии Казани. «Гуляй-город — древнерусское подвижное (на колесах или полозьях) сборное боевое сооружение из отдельных деревянных толстых щитов. Гуляй-город передвигался вручную силами помещавшейся внутри него команды, которая вела бой, действуя расположенными в нем орудиями и пищальями. Еще в XVI веке сибирские казаки применили в бою «острожки» — повозки на колесах, скрывавшие за толстыми дубовыми бортами вооруженных казаков, кативших повозку до полного сближения с противником. «Острожки» были своеобразными предвестниками танков. В обороне гуляй-города применялись в виде большой ограды из щитов. При осаде городов гуляй-город иногда собирался в виде многоярусной самоходной крепости-башни, обмазанной глиной против пожара и вооруженной десятками орудий. Боевая команда такого гуляй-города состояла из нескольких десятков человек под начальством «гуляйского воеводы». Летописи впервые упоминают о гуляй-городах при описании взятия Казани войсками Ивана IV, в частности, они описывают огромную башню гуляй-города, построенную для штурма Казани одним из первых русских размышлов-инженеров — Выродковым»¹⁵.

Гуляй-города, по свидетельству историков военного искусства, принадлежали русскому войску, но они неоднократно переходили из рук в руки. Вот как, например, об этом сказано в «Казанской истории»: «Прииде из Руси царь Шалагей Касимовский со множеством вои русских, с великим народом именным, аки смеяся им и играя, не во многие дни поставиша град среди земли их, яко на плечах их, да подивятся им; нагорная страна Черемиса отступиша от них вся и заложихися за московского царя. Казанци же вборзе ничего же не ведавшие, ни поставления градного, ни черемисы отло-

¹³ Микущев А. К. Генезис и эволюция коми-песенного фольклора, с. 27 — 36.

¹⁴ Гусев Д. И. Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре. Кудымкар, 1956, с. 95.

¹⁵ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1952, т. 13, с. 193 — 194.

жившиеся; много им сказующе и не им яша веры, гордостью снедаемы, чающе малый градец поставлен, зовам гуляй. Тот бо многожды ходил с воеводами Казани, сотворен на колесах и утвержден чепми железными, его же некогда оторваша казанци и 7 в нем пушек ухватиша. Егда же истину увидеша казанци, что поставлен бысть великий град, и начаша тужици и тосковати»¹⁶.

Приведенная цитата убеждает в том, что гуляй-городами пользовались татары (его же «некогда оторваша казанци» и «тот бо многожды ходил с воеводами Казани»).

«Великий град» — здесь, очевидно, высокая башня, построенная тайно от противника за пределами Казани под руководством Ивана Григорьевича Выродкова, которая была в разобранном виде доставлена к Арским воротам города и за одну ночь собрана и вооружена. С этой башни вели огонь по противнику¹⁷. Казанцы думали, что это обычный гуляй-город, но, увидев высокую башню, вмещавшую в себя много пушек и другого оружия, пришли в смятение. Участники похода — коми-пермяки — запомнили эти гуляй-города как страшные чудовища и воплотили свое впечатление от них в художественной форме (Идолище на колесе).

Идолище на колесе (примеры мы привели ранее) напоминает устройство гуляй-городов, с которыми знакомит нас история древнего военного искусства.

Если современные ученые называют древние виды оружия — гуляй-города и острожки «прообразными предвестниками танков»¹⁸, то сказители, модернизируя образ Идолища на колесе, прямо называют их танками. В новейшей записи И. В. Зырянова, сделанной в июле 1970 года от Мизева Григория Васильевича (село Гайны), говорится: «Идет такой танк — косит людей»; «Напал на русскую землю (враг. — М. О.) с какими-то танками»; «Танки железные же, поди и деревянные были, да идут на Перу»¹⁹.

Для устройства гуляй-городов, действующих в зимнее время, необходимы были полозья. Возможно, что северные крестьяне, жившие в лесной полосе, в порядке выполнения натуральной повинности изготавливали полозья и для саней — военных машин. Очевидно, для этих целей и Пера-богатырь заготавливал большое количество леса и полозьев для саней: «Материал для 12 саней из лесу приносил и сам сани делал»; «Раз он взял семь пар саней и на себе понес»; «Полозьев на себе десять пар сразу нес»; «Он сырой лес срубил и для двенадцати саней носит». В одном случае говорится о том, что Пера нес из самой Москвы семь пар дубовых полозьев, а по дороге помогал бить татар.

Из отдельных вариантов преданий известно, что Пера посылал сестер своих в лес за березой для полозьев, и они «по шесть штук

¹⁶ Казанская история. М.-Л., 1954, с. 92.

¹⁷ Большая советская энциклопедия, т. 13, с. 193 — 194.

¹⁸ См., напр.: *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Русское оружие XI — XIX вв. М., 1953, с. 72 — 73; *Федоров В. Г.* К вопросу появления артиллерии на Руси. М., 1948, с. 18.

¹⁹ Личный архив доцента Пермского пединститута И. В. Зырянова.

березовых приташат и гым²⁰ поставят к лесному дому». Сестра Перы, жившая далеко у Северного моря, привозила оттуда двенадцать пар полозьев для саней.

То, что северными крестьянами заготавливалось огромное количество полозьев, в некоторых преданиях подчеркнуто такой обобщенной гиперболой: «Пера приносил много материалу для полозьев, возил их на лошади, а когда она не в состоянии была везти тяжелый воз, Пера впрягался сам и вместо лошади вез его». Пера заботился о прочности полозьев, он радовался, когда ему удавалось найти для полозьев дуб или вяз. При этом используется сказочная гипербола: на вопрос Перы, сколько стоят дубовые полозья для саней, торговец ответил шуткой: «Бери, сколько унести сможешь». Тогда Пера унес целых сто штук. При малом населении северных поселков в то время такое огромное количество полозьев, конечно, не могло идти на собственные нужды северных крестьян.

Не является простым вымыслом и то, что Пера сам впрягался вместо лошади в тяжелый воз с материалом для полозьев. Это обычное обобщенно-гиперболическое изображение возможностей **одного богатыря**, представляющее собой особую эпическую форму изображения силы и возможностей целого народа. Такая форма особенно широко использовалась коми-пермяцким и другими народами, творцами эпоса, при описании батальных сцен, схваток с врагом и победы над ним.

Предания свидетельствуют и о заготовке Перой большого количества бревен: «Пера-богатырь брал на себя сразу двенадцать бревен»; «Бревнами он, как косой, врагов косил»; «Пера деревом машет по неприятелю»; «Дали Пере-богатырю трехсаженное бревно с дырками для ручки. Пера-богатырь вместе с русскими этим бревном сражался»; «Государь спрашивает: «Какой тебе. Пера-богатырь, инструмент нужен для войны?» Богатырь отвечает: «Государь, мне нужна большая палка».

Бревна, можно полагать, тоже шли на изготовление оружия, они были необходимым компонентом стенобитных машин — таранов, представлявших собой тяжелые, подвешенные на цепях или канатах бревна с железными наконечниками, применявшиеся для **разрушения крепостных стен, ворот, башен**.

Из записи И. В. Зырянова (от Г. В. Мизева) узнаем о древнем оружии, важной частью которого были бревна: «Ходит на колесах да еще приделывает бревна и косит ими людей». Бревна употреблялись в качестве снарядов для тяжелых метательных машин, которые имели разные названия: баллисты, катапульты и аркбаллисты²¹.

Можно полагать, что в многочисленных преданиях, рассказывающих о том, как Пера поражал врага при помощи большого толстого бревна, имеются в виду военные машины. Перед нами интересное использование своеобразной народной метонимии — вместо

²⁰ Гым — звук, раздавшийся от сильного броска полозьев к лесному дому.

²¹ См.: Большая советская энциклопедия, т. 41, с. 614.

сложного явления называется одна его сторона, часть, и при помощи ее обозначается все явление в целом.

Следует обратить внимание еще на одну интересную деталь, имеющую место в преданиях о Пера-богатыре. В некоторых преданиях говорится о том, что Пера-богатырь «за угол избу приподнимал, рукавицы туда свои клал, а потом их обратно брал». Вероятно, речь идет не о домах, в которых жили крестьяне, а о сборных сооружениях из отдельных толстых щитов — гуляй-городах. Приготовление щитов и предварительная их сборка тоже могла быть поручена крестьянам и производилась в лесных местах. Щиты, пока еще не скрепленные вместе, можно было приподнимать и опускать, класть между ними рукавицы во время работы. Название дома, несомненно, уже вторичное, позднейшее.

В многочисленных преданиях называются большие камни, иногда они сравниваются с мячиками: «Пера камнями величиной с баню играл, как мячиком»; «Кинуть за 10 верст камень в 100 пуд для него (Перы. — М. О.) было простой забавой». Иногда сообщается об игре большими камнями или одного Перы, или вместе с братом Мизей: «Пера и Мизя между собой камнями кидались, кто дальше бросит»; «Богатыри Пера и Мизя играли. Перебрасывались большими камнями». Камни в предании нового типа не имеют культового значения, а являются историческими реалиями, отражающими особенности материальной культуры и общественно-политической жизни народа. Игра богатырей камнями не может рассматриваться как простая забава. Скорее имеется в виду подготовка к использованию их в качестве боевых снарядов и Мизей, который был призван на службу в царскую армию, и Перой, принявшим участие в решительных схватках с врагом в очень трудные для России дни.

Известно из истории военного искусства, что для баллистов, катапультиров и аркбаллистов снарядами служили не только бревна, но и большие камни. В это время на севере было налажено точильное дело и очень может быть, что выточка камней тоже поручалась северным крестьянам разных национальностей. Пера и Мизя перебрасывались отточенными камнями, которые в преданиях сравниваются с мячиками. Гипербола «камнями величиной с баню играл (Пера), как мячиком» указывает на большое количество таких камней-снарядов, использованных в борьбе против татарской ханщины. Признак величины, вероятно, выступает как признак количества. Данные военной науки указывают на применение больших и тяжелых камней. Нилус, характеризуя мощность древнейших орудий, приводит следующие данные: «Пороки или баллисты бросали каменные ядра весом в два пуда (32 кг) на расстоянии от 600 до 1200 шагов»²². Козловский указывает на вес ядра — 150 — 180 кг. Он же приводит летописные данные, согласно которым огромные камни применялись в течение продолжительного времени. «Один

²² Нилус. История материальной части артиллерии. М., 1939, ч. 1, с. 15.

из последних случаев их применения относится ко времени взятия Казани Иваном IV, т. е. к середине XVI столетия»²³.

В некоторых преданиях рассказывается о том, как Пера брал на вооружение и громадные бревна и большие камни вместе (те и другие служили снарядами для метательных машин): «Пера-богатырь взял палку толщиной со старый дуб да тяжелый большой камень».

Интересный материал о создании сборных крепостей и башен содержится в романе марийского писателя А. Крупенкова «Марш Акпарса»²⁴. Повествуя о решающей битве с татарской ханщиной под Казанью, автор приводит приказ царя о возведении большой башни и совет талантливого инженера Выродкова не рубить гуляй-города в местных лесах, а строить их вдали от Казани, чтобы окопавшиеся в городе татары не слышали стука топоров, в разобранном виде доставлять их к местам сражения и тут собирать. Заготовки гуляй-городов, как следует из романа, производились в лесах верхней Волги, недалеко от Камы.

Защита Русского государства, победа над татарской ханщиной требовали огромных усилий, и, несомненно, народы Прикамья вместе с другими народами участвовали в военных походах, а возможно и в изготовлении орудий — гуляй-городов.

Предания о помощи Перы-богатыря русским в борьбе с татаро-монгольскими завоевателями как ранние формы словесного искусства коми-пермяцкого народа, отразившие существенные явления русской исторической и политической жизни XV — XVI столетий, могут быть названы героическими.

Коми-пермяцкий народ сохранил в памяти примеры бескорыстного, самоотверженного участия своих предков в общерусской борьбе с врагом, в борьбе за создание единого централизованного Русского государства и выразил все это в своеобразной фольклорной форме.

Правовое и экономическое положение коми-пермяков не улучшилось, однако, после присоединения Перми Великой к Москве. «В связи с присоединением Перми к Московской Руси и проникновением христианства в Прикамье, — пишет историк Н. И. Шишкин, — усилился начавшийся ранее процесс расслоения населения. Здесь насаждались монастыри, захватившие у пермяков самые плодородные участки земель: за миссионерами в пермяцкую землю хлынули колонизаторы — будущие тузы Прикамья — Калининковы, Могильниковы, Строгановы прибыли сюда из новгородских земель еще в начальный период московской колонизации»²⁵. Уставные грамоты 1505 года, которыми определялось правовое положение коми-пермяцкого народа после присоединения края к Москве,

²³ Козловский. Материальная часть артиллерии. М., 1946, с. 74.

²⁴ Крупенков А. Марш Акпарса. Йошкар-Ола, 1970, с. 344 — 354.

²⁵ Шишкин Н. И. Коми-пермяки. Молотов, 1947, с. 67.

позволяют судить, каким тяжелым бременем ложились подати и всевозможные повинности на коми-пермяцких крестьян. Они платили согласно этой царской грамоте «с пятнадцать сот луков, со шестисот сорока пяти луков, на Рождество Христово за тысячу чытерста белок, чытернацать рублев, по две деньги за белку», на «Великий день» корм наместнику и его окружению, «за семь сот белок семь рублев», на Петров день «за семь сот белок семь рублев, по две же деньги за белку». Кроме того, пермичи платили наместнику торговые пошлины, бесчисленные налоги за разбирательство их судебных дел, за добычу соли, наместники не довольствовались этим налоговым обложением и самовольно посылали своих тиунов и доводчиков по всей Пермской земле приписывать лишние луки и брать с пермичей сверх полагающихся поборы себе «на корм», тем самым делая пермичам «продажи и убытки великие»²⁶.

Из предания, записанного академиком И. И. Лепехиным, известно, что царскими чиновниками и местными князьками коми-пермяки были лишены земель и лесных угодий; грамота, выданная им Иваном Грозным на беспошлинное владение землей и лесом, была уничтожена: «Стоя за праотцовские свои дачи и часто ссылаясь в присутственных местах на свои древние грамоты, праведным судьям ею понаскучили».

Особенно невыносимым стало положение коми-пермяцкого народа, переселившегося в так называемый «отхожий стан» (современная территория Коми-Пермяцкого округа), когда значительная часть его (вся Иньвенская сторона) стала принадлежать феодалам Строгановым.

Вслед за ликвидацией Казанского ханства русский царизм стремился укрепиться на новых местах, присоединенных к Москве, поднять их экономику, способствовать развитию производительных сил и обеспечить обороноспособность краев и областей, в том числе Прикамского края, богатого полезными ископаемыми, пушной и земельными угодьями. С этой целью в 1558 году Иван Грозный пожаловал первую грамоту на пермские земли Григорию Строганову, сыну крупного солепромышленника Аники Строганова.

Г. Строганов стал владельцем огромной территории в 3,4 миллиона десятин по берегам реки Камы, в районе Соликамска и в низ по реке Чусовой. Через 10 лет, в 1568 году, жалованную грамоту на пермские земли получил его брат Яков Строганов. Ему было отведено около 4 миллионов десятин. В XVI веке, как сообщают историки, Строгановым в Прикамье принадлежало 45 населенных пунктов с 203 крестьянскими дворами.

Иньвенские коми-пермяки в XVIII веке были превращены в крепостных графов Строгановых, жители же северных районов остались на положении государственных крестьян Чердынского уезда. Коми-пермяки вместе с русскими крестьянами тяжело переживали процесс закрепощения.

²⁶ Гусев Д. И. Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре, с. 97.

Наряду с конкретными историческими реалиями, связанными с борьбой коми-пермяков против татар, в эпос о Пере вошли и конкретно-социальные реалии, связанные с борьбой народа против внутренних угнетателей — наместников и графов Строгановых. Известны, например, десять вариантов предания о Пере-богатыре с сюжетом борьбы героя с графом Строгановым, которые по своему характеру и основному пафосу являются героическими.

Социальная острота этого сюжета определяется реальными противоречиями между феодалами-крепостниками и народными массами. Коми-пермяцкий и русский народы выразили в своем словесном творчестве всю горечь чувств и переживаний и еще раз отдали должное своему заступнику Пере-богатырю, воплотившему в себе все смелое, гордое, сильное, что было свойственно лучшим представителям народа. В предании рассказано, как Строганов хотел захватить крестьянские земли и как Пера-богатырь избавил свой народ от рабства. В преданиях о Пере-богатыре отразился момент, связанный с превращением коми-пермяков в крепостных графов Строгановых, с преследованием непокорных, восставших против деспотизма и насилия.

Пера как народный заступник, как борец за интересы народные резко противопоставлен графу Строганову — «лютому злодею» и его слугам, выполняющим волю господина. В первой части предания обычно повествуется (в разных вариантах) о том, как Пера своими руками разорвал цепь, при помощи которой люди Строганова прокладывали «грань» («просеку»), чтобы «замежить», присоединить к графским дополнительные земли и тем самым закрепить коми-пермяков: «И вот, когда у графа работники шли с цепью, земли мерили, которые к графу должны отойти, один богатырь воспрепятствовал этому. Это был Перша. Перша незаметно пересек цепь, и эти земли не вошли в графские земли. А дело было так. Шли графские люди и обносили землю цепью. За ними другие шли, которые грань по этой цепи проводили. Грань по цепи проходила хорошая. Мосты были крепкие по той грани посланы. На лошади едешь по этой грани, только чики-чёки от лошадиных копыт раздается. Сказывали, что цепью-то графскую грань обносили десять-двадцать графских людей. Они протянули цепь, чтобы по ней **уж грань вести. Но Перша не допустил того, чтобы грань прошла по этим местам.** Вот когда графские люди проходили с цепью и кружили злодею графу Строганову мужицкую землю, то Перша наблюдал за ними из-за сосны. Они ушли дальше, а Перша вышел из-за сосны и голыми руками цепь ту разорвал графскую, а концы той цепи-то в кусты спрятал. Другие графские люди, что грань-то вели, дошли до того места, где Перша цепь перервал, и в этом месте сделали поворот. Вот потому-то, сказывали старики, не попали наши земли под графа Строганова»²⁷.

Пере отданы вся любовь и уважение народа («народный защит-

²⁷ Гусев Д. И. Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре, с. 94. Далее ссылки на эту книгу приводятся в тексте с указанием страниц.

ник — вот кто он был»). Строганов же вызывает чувство несправедливости («злющий был граф Строганов. Шибко он над людьми лютовал») (с. 94).

В некоторых преданиях этого типа говорится о преследовании Перы графскими слугами, о том, как ему приходилось скрываться от графских людей в темных лесах. Пера долго находился в бегах, прятался от графских холопов на деревьях. Чтобы не умереть с голоду, он свои рукавицы из звериных шкур съел. Его поддерживал народ. Но судьба Перы оказалась трагической. Он погиб.

Народ видел в Пере-богатыре своего избавителя от многих бед и напастей, с ним он связывал свои исторические судьбы и свободу коми-пермяков, избежавших крепостной зависимости. В сознании народа соединились историческая правда и художественный вымысел. Память о Пере сохранилась во многих названиях местностей: деревня Перша, озеро Пера-ты — озеро Перы.

* *
*

В основе целого ряда преданий о Пере-богатыре лежит борьба Перы с лешим и с водяным. Мы не склонны относить их к древним, догосударственным временам, в отличие от других исследователей, например Д. И. Гусева, который пишет: «Народные предания коми-пермяков о Пере-богатыре являются ценным этнографическим источником. В их ранних слоях содержатся сведения о хозяйстве, материальной культуре, общественной организации и духовной жизни предков коми-пермяков в период существования у них патриархально-родового строя» (с. 92).

Свое убеждение Д. И. Гусев подтверждает данными, характеризующими хозяйство, быт и идеологию родового строя: «Предания позволяют составить, — подчеркивает он, — представление о характере... охотничье-рыболовецкого хозяйства чудского народа.

Основным охотничьим оружием Перы-богатыря является лук... Очевидно, существовал способ охоты на лосей и оленей с устройством ловчей загороди и «потайных ям»... В предании имеются воспоминания о способах охоты с устройством самодельных ловушек-слопцов... В более ранний период предки коми-пермяков убивали зверей, главным образом, для питания. С развитием торговли и обмена они стали убивать зверей для получения пушнины, необходимой на продажу и обмен... В предании упоминается рыболовецкая снасть... Пера-богатырь ловил рыбу «мордой»... В отдельных вариантах преданий в качестве жилища «чудского народа» упоминаются землянки... Верхней одеждой Перы-богатыря, по свидетельству одних вариантов предания, был совик, по свидетельству других вариантов — шабур... Обувью у Перы-богатыря и лешего, по преданию, были лапти... Из утвари в преданиях о Пере-богатыре встречается упоминание о кухонной посуде — сельницах... В предании есть упоминание о плетеном из бересты кошеле-пестере... Средством передвижения Пера-богатырю служили лыжи» (с. 88 — 91).

На основании всего этого исследователь делает такой вывод: «Охотничье-рыболовецкое хозяйство на протяжении многих веков в древнее время служило экономической основой родового строя населения Верхнего Прикамья» (с. 91).

Дальше Д. И. Гусев обращает внимание на некоторые черты родового строя, к которому относит первый слой преданий: «Брат Перы Мизя в предании считается общим предком Мизёвых, а все Мизёвы считаются членами одного рода — «мизёвщиной». Так как род представлял собой совокупность кровных родственников, происшедших от одного общего предка, отличавшихся особым родовым именем, связанных узами крови, то один из признаков родовой организации здесь налицо» (с. 91). Гусев считает, что первый слой преданий появился на последней, патриархальной стадии развития, когда «сохранились еще определенные элементы демократизма, характерные для родовой организации... Так, на борьбу с «насильником» лешим, по преданию, за Перой-богатырем пришли старики, выбранные народом. Сохранилось одно из важнейших оснований рода — взаимная обязанность оказывать друг другу помощь, защиту и поддержку в случаях насилия и нападения. Пера-богатырь делился со своими слабыми сородичами мясом убитых зверей, защищал их от всех злодеев» (с. 91).

По мнению Д. И. Гусева, патриархально-родовое общество «чудского народа», породившее этот слой преданий, охарактеризовано в них с присущей ему идеологией: «Языческие верования «чудского народа» представляли собой, судя по всему, культ природы и стихий, находящийся на пути развития в многобожие. Духи природы и стихий олицетворялись у них в человеческих образах. Такими антропоморфными духами в предании выступают леший, олицетворявший стихии леса и ветра, и водяной, олицетворявший стихию воды... Верования в водяного имеют ту же природу, что и верования в лешего...» (с. 92).

Некоторые из особенностей, отмеченных Д. И. Гусевым, действительно характерны для патриархально-родового строя, но многие из них в такой же мере типичны и для последующих эпох. Так, охота и рыбная ловля являются главным занятием коми-пермяцкого народа и при феодализме, и при капитализме. Мордами ловят рыбу и до сих пор. Лук (ньов) оставался основным охотничьим оружием и в XVI, и в XVII, и даже в XVIII веке. Совик, шабур и лапти вплоть до Октябрьской революции являлись главной одеждой и обувью коми-пермяков.

Нам кажется, однако, что Д. И. Гусев противоречит себе, когда приводит пример с уставной грамотой, жалованной пермичам московским государем в 1505 году, в которой счет налогового и податного обложения пермичей ведется по лукам (он ссылается на текст грамоты из работы В. Н. Берха «Путешествие в города Чердынь и Соликамск»): «Наместники (пермские. — М. О.) посылали своих тиунов и доводчиков по всей Пермской земле приписывать лишние луки и брать с пермичей сверх им полагающихся лишние поборы се-

бе «на корм», тем самым делая пермичам «продажи и убытки великие» (с. 97).

В позднейших преданиях, по Д. И. Гусеву, Пера тоже ходит на охоту с луком, а не с ружьем. Самодельными ловушками и слопцами коми охотники пользовались и позднее. Рыболовные сети были известны чудскому народу не только в древности: такими сетями пользовались и в более позднее время. Пера просит у царя Ивана шелковые сети птиц и рыбу ловить не в ранних, а в последующих слоях преданий, восходящих к периоду присоединения Верхнего Прикамья к Русскому государству. Что все Мизёвы считаются членами одного рода — «мизёвщиной», говорится в преданиях не «древнего слоя», вопреки утверждению Гусева, а в преданиях, отнесенных им к XIV — XVII векам.

О том, что Пера-богатырь делился с сородичами мясом убитых зверей и защищал их от всех злодеев, мы узнаем из тех вариантов преданий, в которых говорится о помощи Перы русскому царю и о борьбе Перы с графом Строгановым, как отмечено у Гусева.

Предания о Пере-богатыре мы считаем новым этапом в развитии коми-пермяцкого эпоса сравнительно с архаическими преданиями о Кудым-Оше. Они вызваны к жизни теми новыми условиями, в которых жил коми-пермяцкий народ в период русской государственности, в период складывающихся феодальных отношений и непосредственных контактов с русским народом. В данном случае, нам кажется, историческая традиция служила созданию новых преданий. То, что утверждает В. Я. Пропп относительно русского эпоса, может быть применимо и к коми-пермяцким преданиям. Он считает, что созданная усилиями многих поколений народная традиция содержит такие огромные художественные ценности, что народ ими не пренебрегает, а пользуется как материалом для создания новых песен, с новым содержанием²⁸.

Такой точки зрения придерживается и В. К. Соколова: «Преданиям с самого начала была присуща установка на точность и фактичность, но на раннем этапе их развития воспоминания о действительных событиях и лицах сочетались в них еще с фантастикой предшествующих им сказаний и в них естественно вошли некоторые мифологические мотивы и образы»²⁹.

И коми-пермяцкий народ использовал образы водяного, лешего и змея при создании новых преданий как традиционную художественную форму. Возникли они не на основе мифологии, а путем преодоления ее и обобщения реально-исторического опыта, и воспринимаются на новом культурно-историческом этапе как пережитки прошлого.

Генетически образы водяного и лешего восходят к тем хозяевам стихий, которые приносят человеку удачу. Образы водяного и леше-

²⁸ См. сб.: Специфика фольклорных жанров. М., 1973, с. 238 — 239.

²⁹ Соколова В. К. Взаимодействие преданий с другими фольклорными жанрами. — В сб.: Тез. докл. на Всесоюз. науч. конф. «Прозаические жанры фольклора народов СССР». Минск, 1974, с. 126.

го были тесно связаны с языческими верованиями, с мифологией древнего чудского народа — предков коми-пермяков. Но древние сюжеты, основанные на взаимоотношениях человека и мифического существа, выступили в новом виде. Там была вера в водяного как в реальное существо — божество, которого надо бояться, задабривать, чтобы оно принесло удачу герою и через него — роду. Там он существо, непонятное человеку, существо иного мира. Здесь же водяной — враг народа, борьба с ним Перы вполне соотносится с реальной действительностью, образ отражает характерную для коми-пермяков отрасль хозяйства — рыболовство. «Любил Пера-богатырь рыбачить. Рыбачил он на Лупье и на большой Каме». Называются и рыболовные снасти: «сети и морды», описывается самый способ ловли рыбы: «Поставит Пера морды свои и на несколько верст запор-то для них сделает... Поставит сети на всю ширь Камы, ботаёт; ботаёт — вытянет сети...» (с. 108).

Если Кудым-Ош боялся водяного и задаривал его, то Пера не только не боится его и не задаривает, но и властно требует, чтобы водяной навсегда оставил Каму и не мешал народу ловить в ней рыбу. Водяной боится Перы-богатыря и просит у него пощады: «Водяной сжался весь, испугался, видишь ли, Перы-то». Просит он Перу: «Ты меня, Пера, отпусти. Я тебе и твоим людям худого больше не сделаю» (с. 109). И ушел водяной в далекое озеро, которое с тех пор Адовым называется.

Если о борьбе Перы с водяным известны только три варианта преданий, то о борьбе богатыря с лешим — много. Предания с таким сюжетом записаны и до революции, и после — в 20-е и 50-е годы. В самое последнее время с таким сюжетом встретились студенты Пермского педагогического института. Однако он редко используется в чистом виде, чаще контаминирует с сюжетом о ратном подвиге Перы.

В преданиях о Кудым-Оше образ лешего — Сюра-пели также представлен ярче, чем образ водяного. К лешему, как доброму духу, защитнику интересов рода Кудыма, обращался герой лично, когда ехал к вогулам, чтобы высватать себе невесту. Обращалась за помощью к лешему и мать Кудыма — Пёвсин. В очень тяжелое для рода Кудыма время, когда напали разбойники, леший оказал ей помощь: он надул большой ветер, не дал возможности вражеским лодкам подъехать к берегу и, опрокидывая деревья, убивал врагов.

В предании о Пере этот древний образ, олицетворяющий стихию леса и ветра, трансформируется и выступает как олицетворение социального зла, с которым необходимо бороться. Он мешает народу жить, и люди обращаются к своему защитнику Пере-богатырю с просьбой помочь им избавиться от лешего. Здесь ясно выступает социальный аспект.

Леший как враждебная человеку сила представлен в записях Д. И. Гусева от Мизева М. С. из деревни Верх-Лупья: «Лесной между старой деревней и деревней Верхней Лупьей жил. Лесной над людьми издевался. Людей через сосны перекидывал». И в другой

записи Гусева от того сказителя говорится: «Он, леший, такой был: как увидит людей, так и таскал их. Все с собой забирал, человека или еще кого... А до этого лешак людей уносил. Вот в Пурге, рассказывают, одного уносил. Три дня тот человек пропадал. А после рассказывает: «Уносил-де меня такой большой с бородой дядя-то. Угощал, угощал...» (с. 104 — 106).

Интересно, что в третьем варианте архангельского сборника³⁰ леший назван незнакомцем, который не пожелал считаться с грамотой московского царя, а поэтому Пера вступил с ним в решительную борьбу. К очень давним анимистическим представлениям народа присоединились острые социальные мотивы — протест против посягательств крепостников на земли, подаренные некогда пермякам и закрепленные грамотой царя! Из записей академика И. И. Лепехина и П. И. Мельникова-Печерского нам известно, что великопермским воеводам наскучили просьбы крестьян действовать согласно царской грамоте и они поспешили ее истребить.

В преданиях о Кудым-Оше леший — мифическое существо, о котором говорят почтительно, его обожествляют; здесь же леший — враждебная народу сила, он мешает людям ловить зверей и птиц в лесу, обрекает их на голод. В различных вариантах предания с этим сюжетом народными сказителями нарисованы яркие картины борьбы Перы с лешим. Пера откликнулся на просьбы охотников освободить их от этого лютого врага. В борьбе как с водяным, так и с лешим Пера берет не столько силой, сколько храбростью и сообразительностью. На предложение лешего померяться с ним силой Пера отвечает согласием, но, понимая, что леший может победить его, предусмотрительно привязывает себя ремнем к пню. Пера не растерялся в самые трудные минуты; когда трещал надломившийся пень, леший спросил: «Что это у тебя, Пера, там трещит такое?» Богатырь храбро ответил: «Это у меня сила прибавляется» (с. 105), чем испугал лешего, у которого силы были на исходе. Леший сдался. В большинстве вариантов предания с этим сюжетом повторяются сцены морального единоборства Перы с лешим, победителем из которого выходит Пера.

Таким образом, предания о борьбе Перы с водяным и лешим отражают сложные социальные отношения нового времени — эпохи феодализма. Нельзя не согласиться с некоторыми мыслями Р. Р. Гельгардта, высказанными им в рецензии на сборник «Комипермяцкие народные предания о Пере-богатыре», которые звучат как справедливое возражение Д. И. Гусеву: «Тема борьбы «с хозяевами стихий» появляется в фольклоре только тогда, когда человек начинает овладевать силами природы, которые прежде над ним господствовали. Многочисленные литературные источники по этнографии народов Урала и Сибири подтверждают это положение. Сошлемся здесь, например, на одну современную фольклорную запись рассказа о том, что издавна люди боялись страшного и сильного

³⁰ Фольклор народа Коми. Предания и сказки. Архангельск, 1938, с. 45.

хозяина воды, а после победы человека над ним «хозяин людям худое делать боится», и в коми-пермяцком предании после победы Перы-богатыря над хозяином леса убежали лешие из уральских лесов...» «Больше не стали лешие народ так тревожить»... Тема борьбы с природой и ее «хозяевами», победы над ними человека показывается, что в этой группе преданий о Пере-богатыре отражены отнюдь не древнейшие черты общественного сознания народа. Д. И. Гусев утверждает, что в последующих слоях преданий о Пере-богатыре религиозные воззрения убывают... Сама тема борьбы богатыря с «хозяевами стихий» в этой группе преданий свидетельствует об ослаблении анимистических представлений. Такая черта наблюдается обычно в сравнительно новых, поздних преданиях и легендах³¹.

* *

*

В преданиях о Пере-богатыре отразилось и мировоззрение коми-пермяцкого народа того исторического периода, когда происходила консолидация народностей, объединение всех малых народов вокруг Русского централизованного государства, и складывались на Руси феодальные отношения со всеми характерными для них социальными противоречиями, когда шел сложный и трудный уже непосредственно идеологический процесс обращения коми-пермяков — язычников в христианскую веру. Известны три небольшие предания, записанные этнографом Л. С. Грибовой, которые говорят о восстании Перы против несправедливого устройства жизни на земле. Борьба Перы (народа) приобретает грандиозные размеры: он хочет перевернуть весь земной шар. На вопрос явившегося к нему старика, очевидно, бога: «Зачем же ты, Пера, хочешь земной шар перевернуть?» — Пера ответил: «Чтобы теплее здесь было. Народ работает-работает, а жизнь у него все худенькая, холодная. А уйти нам отсюда не годится»³².

У народа еще и на этом этапе была сильна религия. Но ненависть к новым хозяевам, борьба социальная соединялись с идейной борьбой. Восстание Перы против несправедливого устройства мира есть в то же время и восстание против бога, дерзкий вызов ему, завершившийся, однако, тем, что бог превратил Перу в камень. Через большой промежуток времени бог явился к Пере-камню и спросил, собирается ли он и теперь земной шар перевернуть. Пера, чувствуя себя бессильным в борьбе с богом, смиренно ответил: «Где уж тут», — и попросил освободить его от колдовских чар. Бог согласился при условии, чтобы Пера не трогал земной шар, и превратил камень в человека. Покорность Перы создает тот же оттенок трагического, который ощущается в результатах борьбы Перы с графом Строгановым.

Богоборчество Перы более лаконично, но ярко показано в другом предании, записанном Л. С. Грибовой. Здесь присутствует мо-

³¹ Гельгардт Р. Р. Рец. на сб.: Гусев Д. И. Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре. — Сов. этнография, 1957, № 3, с. 196.

³² Грибова Л. С. Еще одна легенда о Пере-богатыре. — Гора му. (Звонкая земля). Кудымкар, 1963, с. 117 — 118.

тив превращения Перы в камень, но отсутствует другой — превращение камня в человека. Окаменевший Пера подвешен на воротах рядом с колоколом. «И если кто дотронется до ворот, то обязан звонить в колокол. В противном случае Пера может так закричать, что люди целой губернии могут сойти с ума»³³. Пера превращен богом в камень за то, что «много народу с пути праведного сбил». Очевидно, имеется в виду его борьба против христианской веры. Здесь Пера не смирился, и, будучи жестоко наказанным, превращенным в камень и подвешенным к воротам, он может еще громко закричать о том, в чем был уверен.

Права Л. С. Грибова, когда в своих комментариях к публикуемым преданиям рассматривает их в свете той острой борьбы, которая происходила между старым и новым в период обращения коми-пермяков в христианскую веру. Пермяки далеко не сразу и не очень спокойно приняли новую веру. «Каким бы объективно прогрессивным не было московское влияние, — пишет она, — какой бы ни была прогрессивной по сравнению со старой новая идеология, в то время, очевидно, достаточно серьезной и острой была борьба между старым и новым»³⁴. Не случайно в 1501 году московский митрополит Симон жаловался князю Матвею Михайловичу, что пермяки живут по старым, языческим обычаям, а не по православным законам. Но мы не можем согласиться с Л. С. Грибовой, обожествляющей Перу, превращающей его в бога, хотя в образе этого героя обобщены лучшие черты коми-пермяцкого народа. Нельзя считать правомерным и сопоставление образа Перы с образами героев первобытного общества: ханты-мансийским Эква-Пырищем, удмуртским Пери и другими героями первобытного эпоса.

Языческие верования коми-пермяков в преданиях нашли выражение и в выборе художественных символов социального зла, в образах змея, лешего, водяного. Леший изображается иногда человеком высокого роста, с черными усиками, у него свой треугольный дом, он крадет людей, принуждает к сожительству деревенскую женщину, имеет детей (сыновей), люди могут убить его. Он состязается с Перой в силе и хитрости. Люди верят, что пропавшую корову похитил леший. Водяной не давал людям ловить рыбу в озере. Он состязается с Перой в плавании. Но это только отдельные реликты старых воззрений. Не случайно Пера, борясь с лешим и водяным, каждый раз оказывается победителем. Водяной удаляется навсегда в далекое озеро, которое называется Адовым. Пера убивает лешего и его сыновей, а потом и жену лешего, обнаружив в ней колдовские чары.

Мы рассмотрели отношение коми-пермяцких преданий к исторической действительности, но нельзя не остановиться хотя бы

³³ Грибова Л. С. Еще одна легенда о Пера-богатыре, с. 118.

³⁴ Там же, с. 78.

кратко на другом аспекте — их функционировании как фольклорных произведений. Специфика этих преданий проявляется и в сфере эстетических отношений анализируемого материала к действительности. Несомненно, происходил, как это было и с другими жанрами и у других народов, сложный процесс фольклоризации — кристаллизации зафиксированных событий и фактов, развития их в произведения искусства слова.

Предания о Пере-богатыре, вобравшие в себя и сохранившие конкретные исторические реалии, первоначально, очевидно, были простейшими речевыми формами и только позднее, под влиянием русской фольклорной традиции, они приобретают более сложную поэтическую структуру. Происходило взаимовлияние двух культур с доминантой более развитой из них — русской. Ни одна другая культура на протяжении очень длительного времени не имела такого решающего значения для развития культуры коми-пермяков, как русская. Соприкосновение коми-пермяцкой культуры с народно-русской происходит еще в новгородский период. Оно усиливается в период присоединения Пермской земли к Московскому государству, в особенности после падения Казани, последнего оплота, сдерживавшего приток русской культуры.

Строительство изб, многие бытовые обычаи, одежда, свадебные обряды заимствуются коми-пермяцким народом у русских. Появляется на земле Перми Великой русское устное народное творчество: былины, сказки, пословицы, загадки, имевшие огромное значение для художественного оформления национального словесного искусства. Нельзя при этом забывать и о национальной традиции, связанной с эстетикой древнего эпоса (предания о Кудым-Оше). Русское влияние наблюдается и в близости жанров, сюжетов и образов фольклора. Коми-пермякам хорошо знакомы русские северные былины. «Многие варианты былин, — по свидетельству В. Н. Белицер, — еще в 20 — 30-е годы XX века можно было записать у коми-пермяков. Широко были распространены среди них былины об Илье Муромце, о Соловье-разбойнике, о Святогоре... Илья становится на защиту Киева от вражеских сил и погибает в числе других 12 богатырей, превратившихся в камни»³⁵. Н. И. Шишкин называет певца Д. Ф. Утробина, который в 50-е годы пел былины об Илье Муромце, Соловье-разбойнике и сказывал сказки об Иване Гороховом³⁶.

Многочисленные записи разных жанров коми-пермяцкого фольклора, сделанные нами в 50 — 70-е годы, свидетельствуют об огромном влиянии русской фольклорной культуры на коми-пермяцкую. Наиболее оригинальными являются героические и эпические предания, но и они несут следы влияния русского эпоса.

В процессе соприкосновения с разными жанрами русского фольклора и усвоения своей национальной традиции и происходи-

³⁵ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, с. 350.

³⁶ Шишкин Н. И. Коми-пермяки, с 124.

ла фольклоризация коми-пермяцких преданий, которая начинается еще с XVII века и продолжается на протяжении XIX и XX веков. Первые записи преданий были сделаны академиком И. И. Лепехиным в XVIII веке, следом за ним повторили их в XIX веке П. И. Мельников-Печерский, Н. Попов, в XX веке — К. Ф. Жаков, И. Я. Кривошеков, Н. П. Белдыцкий.

Эти записи представляли собой пересказы и переложения и были похожи на устные рассказы об услышанном от кого-либо. Записи подлинных народных текстов начались только после Октябрьской революции, и то не сразу, а начиная с 30-х годов, и были продолжены в 40 — 60-е годы. Публикация преданий Д. И. Гусевым в 1956 году и более полное издание их М. Н. Ожеговой в 1971 году позволили подробнее познакомиться с ними, с их живым бытованием, соотнести с преданиями других народов (прежде всего русского) и подойти к определению их жанровой природы.

* *

Видные советские исследователи фольклора считают, что для предания характерна установка на достоверность и фактичность, что в этих жанрах преобладает функция внеэстетическая. «Основная функция преданий, — пишет В. К. Соколова, — познавательная, информационная; эстетическая функция имела для них подчиненное значение. Важно было что передать, а не как пересказать, до слушателей важно было донести самый факт и смысл»³⁷. Ценность преданий, полагает К. В. Чистов, «в том, что они передавали, а не в том, как это делалось. Это свидетельствует о том, что и здесь, в этой группе жанров ведущей была не эстетическая, а информационная и мнемоническая функция. Об этом свидетельствует и открытость структуры подобного рода текстов, текучесть их формы, стилистическая невыделенность их из «деловой» речи, отсутствие зачинов и концовок (т. е. своеобразных сигналов переключателей в иную среду, иное время, иные закономерности и т. д.). Вымысел, который обнаруживается в преданиях и других родственных жанрах, какую бы эстетическую ценность ни придавали исследователи, не эстетического происхождения, не эстетической природы»³⁸.

Даже предания с мифологическими существами, по его мнению, являются только фактографическими: «Реальный факт был осмыслен в мифологических категориях сознания той среды, в которой передавался этот рассказ»³⁹.

К. В. Чистов считает предания словесной формой исторической памяти и естественных знаний каждого народа, бытующей в виде устного рассказа. Он дифференцирует их по целому ряду призна-

³⁷ Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970, с. 260.

³⁸ Чистов К. В. Прозанческие жанры в системе фольклора. — Тез. докл. на Всесоюз. науч. конф. «Прозанческие жанры фольклора народов СССР». Минск, 1974. с. 20.

³⁹ Там же.

ков и собственно преданиями называет «устные рассказы о давнем прошлом без участия сверхъестественных персонажей, дифференцируя их дальше на разновидности при помощи эпитетов — исторические, космогонические, этнонимические, зоогонические, топонимические и т. д.», тексты которых более устойчивы, им свойствен «более отработанный набор внутритекстовых стереотипов, которые испытывают большое воздействие сказки и эпических жанров»⁴⁰. Характеризуя такие устные рассказы, К. В. Чистов указывает на их основные признаки: локальную приуроченность, неоторванность от лица, которое было участником или наблюдателем событий.

Жанр предания за последнее время был в центре внимания и других исследователей. Им много занимались С. Н. Азбелев, В. П. Кругляшова, Н. И. Кравцов, С. Г. Лазутин, которые признают не только идейно-информационную, но и эстетическую функцию преданий, «что проявляется в необычайной сюжетной ситуации, идеализации положительного героя, употреблении необходимых изобразительных и выразительных средств»⁴¹. Авторы названного труда убедительно говорят об удачном сочетании в преданиях предельно-исторического и художественно-вымышленного: «Историзм преданий прежде всего в том, что они имеют историческую основу, выполняют роль достоверно исторического источника. На них ссылаются как на достоверный источник о прошлом родной страны. Устная форма бытования и передачи преданий от поколения к поколению, свободная структура произведений, постепенное удаление от времени совершения событий и жизни лиц, о которых повествуется, взаимодействие с другими жанрами приводит к ослаблению исторической достоверности, к появлению архаизмов и вымысла, порой принимающего характер фантастики. Несмотря на это, историческая основа преданий сохраняется, сохраняется и восприятие их как правдивого повествования о прошлом»⁴².

В работах В. П. Кругляшовой, занимавшейся жанром предания в теоретическом плане и исследовавшей огромное количество преданий, возникших на уральской почве, находим созвучные нашим мысли о том, что «предания — не сухая информация и не иллюстрация к жизни, а своеобразное открытие жизни предыдущих эпох средствами повествовательного искусства устного слова»⁴³. Продуктивен при этом дифференцированный подход исследователя к преданиям разного идейно-тематического плана, различной структуры — «сюжетно-законченные предания с обобщениями и эмоциональной оценкой изображаемого, с опорой на традицию, и

⁴⁰ Там же, с. 23.

⁴¹ Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское народное творчество. М., 1977, с. 123.

⁴² Там же, с. 124.

⁴³ Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974, с. 166.

сюжетно-фрагментарные предания»⁴⁴ и степень идеализации и героизации богатыря (в богатырских преданиях. — М. О.).

Интересными в аспекте нашего исследования коми-пермяцких преданий, их соотношения с исторической действительностью являются мысли С. Н. Азбелева об особом виде преданий, которые он вслед за К. В. Сидовым называет героическими сказаниями и которым придает жанровую определенность, относя их к области искусства: «Существует и в прошлом была, как можно полагать, развита почти повсеместно еще одна ее (несказочной прозы. — М. О.). разновидность, которая безоговорочно может быть отнесена к области искусства и, соответственно, к области художественного творчества вполне осознанного». «Героические сказания представляют собой эмоционально приподнятые повествования о подвигах реально существующих лиц. Сказания описывают деяния, которые могут служить блестящим примером, повествуют о том, что способно вызвать восхищение и подъем чувств у слушателей. Основу сказания составляют воспоминания о действительных фактах, украшенные дополнениями, заимствованными из других жанров, или плодами собственной фантазии исполнителей... Сказание может быть целиком прозаическим»⁴⁵.

Ученый прав, когда считает, что такие героические предания-сказания, исчезнувшие из живого репертуара народов Западной Европы, в нашей стране сохранились в живом репертуаре ряда народов. Нами принимаются найденные им характерные особенности этих фольклорных произведений:

1) это единственная область устной эпической прозы, где вполне осознанное художественное творчество имеет в основе своей не вымысел, а поэтизацию реальных фактов;

2) это область, которая является, по существу, пограничной между фольклором прозаическим и песенным;

3) для прозаического фольклора это единственная область, где эпический род достаточно определенно сочетается с лирикой⁴⁶.

Эти закономерности характерны и для коми-пермяцких произведений о Пере-богатыре, которые традиционно принято называть преданиями.

Для всех вариантов преданий о Пере-богатыре характерна «персональная приуроченность», которая связана с национальным героем, представляющим национальный образ богатыря, а также и «локальная приуроченность» — в большинстве вариантов преданий изображается борьба Перы с татарской ханщиной под Казанью или помощь Перы на родной земле, в деревне Лупья.

Произведения могут быть названы историческими, так как большинство из них связано со значительными общественно-исто-

⁴⁴ Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы... с. 166.

⁴⁵ Цит. по ст.: Азбелев С. Н. Отражение действительности в преданиях, легендах, сказаниях. — Тез. докл. на Всесоюз. науч. конф. «Прозаические жанры фольклора народов СССР», с. 100 — 104.

⁴⁶ Там же.

рическими событиями: с борьбой за Казань, с борьбой против деспотизма братьев Строгановых.

Они могут быть названы героическими, так как Пера-богатырь совершал героические подвиги во имя спасения родины, защищая интересы Руси и своего народа. Пера живет в сознании народа сильным, смелым богатырем, храбрым воином, народным заступником.

В композиционном отношении предания сближаются с русским эпосом. Сходство проявляется в своеобразных зачинах и в характерном для русской сказки и русской былины приеме троичности. Пера трижды позволяет подкатиться Идолищу на колесе, прежде чем дает ему решительный отпор. Троичность заметна и в количественном обозначении предметов и величин (прием эпических чисел). У Перы трехсаженные лыжи, три дня длится пир у царя Ивана; на девяти парах лошадей приезжают царские люди за Перой в Лупью. Пера, подобно русским богатырям, снабжен богатырской палицей.

В героическом стиле былин изображены все подвиги Перы, при этом активно использована гипербола как средство героизации богатыря. Совпадают также отдельные места: в конце поединка Пера ударяет Идолище на колесе о землю, как русский богатырь.

Рассматриваемые народные произведения испытали на себе и влияние легенды, если считать основным мотивом легенд чудо. Мотив чуда присутствует в вариантах о борьбе языческих представлений с христианскими, когда старик, мы полагаем — христианский бог, превратил Перу в камень, а затем снова в человека.

В коми-пермяцких преданиях, как в эпосе других народов, обобщаются события многих веков, а сам образ Перы-богатыря является обобщенным образом народа в целом.

В преданиях поэтически передан внутренний смысл исторических событий и вместе с тем выражено отношение народа к этим событиям, дана их оценка.

Мы берем на себя смелость сказать, что преданиям о Пера-богатыре свойственна не только познавательно-информационная, но и эстетическая функция, и они являются своеобразным художественным и историческим памятником коми-пермяцкого народа.